

ЛЮБОВЬ СЕРОГО
ОТТЕНКА
Свет, ставший ядом

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Любовь серого оттенка. Клятва, данная тьме

Любовь серого оттенка. Свет, ставший ядом

Продолжение следует...

Елена Инспирати

ЛЮБОВЬ СЕРОГО
ОТТЕНКА
Свет, ставший ядом

Freedom

Москва

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И69

Иллюстрация на обложке *Полтораниной Анны (atarina5)*
Художественное оформление *Натальи Кузнецовой*

И69 **Инспирати, Елена.**
Любовь серого оттенка. Свет, ставший ядом / Елена
Инспирати. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. — (Young
Adult. Мир светлых и темных).

ISBN 978-5-04-198597-4

Аврора дала клятву темному, и это разрушило ее прежний мир. Законы светлых больше не кажутся ей совершенными, а люди вокруг идеальными. Девушка научилась лгать, а душа Брайена оказалась вовсе не такой темной, как ее убеждали. Вот только оба мира против их любви.

Девушку насильно разлучают с Брайеном. Врачи проводят ряд процедур, которые стирают воспоминания о нем. С чистым сознанием Аврора возвращается к близким. Она выходит замуж за Дэйва, свою предначертанную судьбу. Но в ее снах то и дело вспыхивают фрагменты встреч с загадочным темным, отчего истерзанное сердце Авроры страдает. Она хочет разыскать его, и лишь те, кто казался раньше врагами, могут по-настоящему ей помочь.

Сила света выжигает Аврору изнутри, выходя из-под контроля. Границы обоих миров разрушаются, а между темными и светлыми назревает война. Но сможет ли запретная любовь рассеять мрак или погубит всех вокруг?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198597-4

© Елена Инспирати, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Пролог

Жуткий скрип нарушил покой комнаты, в которой царил мрак. Он раздражал слух, как надоедливое тиканье часов, и пускал по шее волну мурашек. Где-то в углу звонко разбивались о бетонный пол капли воды. Настоящая пытка.

Он сидел на стуле и с потерянным видом, ничего не понимая, считал количество этих самых капель, то и дело дергая пальцами, когда скрип вновь раздавался в стенах тухлой и промерзшей комнаты.

— Он пришел в себя? — заговорил кто-то в стороне.

— Почти.

— Ускорь процесс.

К прочим звукам добавилось шарканье. Мужчина в черном медицинском халате остановился напротив Брайена и начал его осматривать: кожа бледная, сквозь нее проглядывали темно-синие дорожки вен, капилляры полопались, глаза покраснели, а под ними расплзлись черные круги. Он глубоко дышал ртом, еще сильнее обветривая высушенные, потрескавшиеся губы. Волосы немного отросли, щеки впали и обзавелись царапинами из-за неумелых рук темной, которой приказали умыть и побрить его. За ним ухаживали, пока сильнейшие препараты убивали его. Нужные для жизни витамины вкалывали, а воду

и пресную кашу давали раз в день, но Брайен предпочитал швырять это все любезным нянькам в лицо. После им приходилось повторять все то же самое, но уже насильно.

Они нуждались в нем, но терпение было на исходе.

— Он реагирует на раздражители, скоро должен опомниться, — вынес вердикт мужчина.

— Поторопите его.

— Мы и так проводим слишком много процедур.

— Он сильный — справится.

— Да, но если что-то...

— Делайте что говорят.

Бессмысленный диалог закончился, шарканье слышалось снова. Врач стал доставать еще один препарат.

— Если он не очнется, я не буду в этом виноват. — После этих слов он воткнул в шею Брайена шприц.

Тело темного вздрогнуло и согнулось от страшной боли, будто от выстрела. Позвоночник ныл и хрустел, Брайен попытался встать, но ремни не позволили. Ему казалось, что по сосудам течет лава, выжигая все на своем пути. Его пальцы напряглись, он начал скрежетать зубами, шипеть, пытаясь стерпеть все, что происходит внутри него. Конечности онемели, их сковало судорогой, кровь застыла. Брайен часто дышал, чтобы только не потерять нить, которая держала его в сознании. Все резко закончилось: он на несколько секунд застыл в одном положении, вытянув тело, затем расслабленно упал на стул, опустив голову.

— Я же говорил, — врач коснулся мокрого лба. — У всех есть предел.

— Он не умер. — Мужчина пнул Брайена по ноге. — Он должен был очнуться.

— Он дышит, но я не уверен, что у него остались силы.

Брайен продолжал сидеть молча и с закрытыми глазами, несмотря на то, что голоса становились отчетливей, а приказы требовательней. Из носа к губам стекала кровь, и, когда солоноватый привкус окончательно привел его в чувство, он улыбнулся и посмотрел на свои сцепленные ноги.

— Какая по счету процедура? Кажется, ваши лекарства не помогают. — Брайен откинулся на спинку и поднял голову, слизав кровь, которую моментально выплюнул к ногам врача.

— Очнулся, какое счастье.

— А я так хотел сдохнуть. Но, оказывается, я живучий. Досадно.

— Язык у тебя все такой же длинный, — сказал мужчина. — Ну так что, готов вернуться к нормальной жизни?

— Я разве не ясно выразился? — Брайен слегка приподнял брови и исподлобья взглянул на разозлившего собеседника. — Вы можете убить меня, если я вас так сильно раздражаю.

— Если бы решение принимал я, то твои потроха давно бы жрали крысы. Но ты... — Ледяные руки вцепились в горло Брайена, и тому пришлось резко вдохнуть.

— Но я так хорош, что вы не можете меня убить, — хрипел обессиленный темный, радуясь гневу мужчины.

— Как же я хочу тебя уничтожить. — Мужчина толкнул Брайена, и он вместе со стулом повалился вниз, ударившись затылком об пол.

— Просто сделайте это. Вам все равно не вернуть меня.

— Мы еще посмотрим.

Силуэт стал отдаляться. Брайен следил за каждым движением и говорил уже без сил:

— У вас все равно больше не осталось идей. Вы попробовали все, но безрезультатно. Просто позвольте мне умереть.

— Ты недооцениваешь нас.

— Отлично, очередные пытки.

— Пойдите, он ведь правда может умереть! — занервничал врач. Нет, он не переживал о Брайене, он переживал, что с него шкуру сдерут, если исход процедуры будет печальным.

— А я как раз планирую в ближайшее время откинуться, мне нравится.

— Твой оптимизм подкупает, но позволь испортить тебе настроение. — Мужчина шепотом отдал приказ, и врач, с опущенной головой, поплелся за всем необходимым. Темный наблюдал за ними без интереса. — Как звали ту малышку светлую?

Сердце Брайена пропустило удар. Пустые глаза вдруг наполнились страхом.

— Вы не сможете ей навредить.

— Да? Ты уверен? — Брайена подняли, грубые руки вцепились в его лицо, повернули голову так, чтобы он не мог отводить взгляд. — Думаешь, вы по счастливой случайности оба живы? В любой момент правила могут поменяться. Она поплатится за связь с тобой.

Бледность лица сменилась красной, пылающей яростью.

— Спокойно, Брайен. Чтобы с ней все было хорошо, тебе всего лишь надо восстановиться, стать

прежним, позабыть ту крошку и вспомнить о Ребекке. Ваши детки нам очень нужны.

— Вам генетического материала наделать, чтобы вы отвалили от меня?

— Нет, Брайен, нам нужен не только твой генетический материал. Нам нужен весь ты. А чтобы никто не пострадал, ты постарайся выздороветь.

— Я не болен.

— Ты влюблен, это одно и то же.

Темный попытался вырваться из цепких пальцев, тогда его схватили за волосы, прямо как в детстве. Он вспомнил, каким слабым и беспомощным тогда был, и выругался на себя, на ремни, сковавшие его. Речь шла об Авроре, поэтому он должен был что-то предпринять, но мог только унижительно дергаться.

— Ты слишком упрям, поэтому твое исцеление не прогрессирует. Если ты хочешь, чтобы твоя светлая не пострадала, тебе лучше начать помогать нам.

— Вы не доберетесь до нее, — повторял Брайен, чтобы убедить в этом себя и унять тревогу.

— И ты опять недооцениваешь нас.

Слов больше не было, Брайен перестал спорить. Его загнали в угол, черные глаза напротив вспыхнули радостью, когда он сдался.

— Знал, что ты будешь разумнее. Приятного выздоровления.

Началась суматоха. Вокруг Брайена крутились незнакомые ему люди, они расставляли аппаратуру, медикаменты и прочие нужные приспособления. Мужчина оставался простым наблюдателем, и, чтобы не подпитывать его радость, темный отвернулся и стал считать падающие капли. Один. Два. Голову запрокинули вверх и ввели тонкие трубочки в нос, уши, слезные каналы. Дышать стало трудно, тогда Брайен ин-

стинктивно открыл рот, чем тут же воспользовались врачи, протолкнувшие очередную трубку в глотку.

Боль была терпимой. Брайен старался не двигаться, чтобы не доставлять самому себе лишний дискомфорт. Когда трубочки похолодели, темный приготовился к худшему.

Лекарство попало внутрь. Брайен был готов ко всему: за столько лет тренировок, обучений, лечений его выдержка стала непоколебимой, и ей мог позавидовать любой темный. Но в этот раз он подумал, что его конец наступил. Внутри него была агония, казалось, что кто-то рвал его тело и сшивал вновь, но со стороны все выглядело так, будто он окаменел. Лишь одна попытка высвободиться говорила о том, что перед наблюдателями был живой человек, а не манекен.

Стало хуже, сознание переключилось с физического на внутреннее. Появился звон в ушах, перерастающий в женский крик. Брайен перешел грань, отпустил реальный мир и провалился во тьму, холодную и пустую, дарящую легкость и свободу. Передышка была подарком.

Начавшиеся галлюцинации испытывали на прочность уже не тело, а разум. Светлая, так отчетливо напоминающая ему Аврору, стояла совсем рядом напротив и улыбалась. Он мог к ней прикоснуться, безумно желал этого, но в итоге к девушке тянулись нечеловеческие руки. Обвив тонкую шею, они стали сжимать ее. Когда раздался хруст, блеск в глазах потух.

Врачи, вытащив трубки, наблюдали за тем, как текут слезы из глаз Брайена.

— Все прошло успешно, для него она мертва.

Глава 1

Я смотрела на свои белоснежные носки и играла большими пальцами, словно это было самым интересным занятием в мире. Чувство усталости смыкало веки, от пустоты на душе хотелось только спать, так было легче переживать тревогу.

Я чувствовала, что что-то не так, но не могла в этом разобраться. А когда мысли становились слишком тяжелыми и запутанными, предпочитала засыпать.

— Аврора Хьюз, ты можешь идти домой.

В комнату заглянула Бэйли, мой врач. Она казалась мне до безумия знакомой, поэтому я частенько с любопытством разглядывала ее.

— Да, конечно. А вы, — я осеклась, женщина просила обращаться на «ты». Никак не получалось к этому привыкнуть. — А ты уже встретила мою маму?

— Она ждет тебя внизу.

Я ответила на ее доброжелательную улыбку и, надев новые кроссовки, поплелась следом.

Первый этаж так называемого оздоровительного лагеря был невероятно красивым, от ослепляющей белизны сердце замирало. Пол блестел под лучами падающего сквозь огромные окна солнца, отражал проходящих мимо меня людей.

— Привет, дорогая!

Мама сидела на диванчике, а рядом с ней лежали мои вещи. Я не могла вспомнить, как привезла их сюда, как носила их. В день выписки мне дали футболку и спортивные штаны, которые пришлось подкручивать на талии, чтобы они не падали по дороге.

— Думаю, теперь мне правда пора, — я взглянула на Бэйли. — Спасибо, что была рядом.

— Не за что. Заботься о себе. — Она протянула ко мне руки, обняла и задрожала.

— Что-то не так?

— Просто буду скучать.

Я не могла ответить взаимностью. Бэйли мне очень нравилась, но я бы не хотела возвращаться сюда и вновь терять связь с миром, семьей, друзьями. Поэтому я обняла ее в ответ и молча пошла к маме.

Она подскочила и крепко обняла меня.

— Как же я рада, что ты вернулась.

— Эй, ты чего? — Я смущенно посмеялась, отрывая маму от себя. — Я же никуда не уезжала и ничего серьезного не произошло. Легкое недомогание, ведь так?

Она растерянно смотрела на меня с застывшими в глазах слезами. Вот-вот заплачет или вспыхнет и разозлится.

— Да-да. Я просто очень переживала.

— Меня пугает твоя эмоциональность. Со мной все хорошо. — Для подтверждения слов я поцеловала ее в щеку.

— Алекс и папа ждут, поехали скорее домой.

Она взяла в одну руку вещи, а во вторую — мою холодную ладонь. Мы миновали стойку регистрации, почему-то не забрав никаких документов.

Мы почти вышли на улицу, когда от волнения меня начало тошнить. Внезапный страх перед внешним миром подкосил меня: я стала запинаться и, чтобы не упасть, вцепилась в мамино плечо. Только прикосновение отдалось головной болью и вспышками перед глазами.

— Дорогая, ты будешь в порядке. Я рядом, слышишь?

Ответом был кивок. Я взяла себя в руки и смело шагнула на плиты крыльца, все так же сияющие под солнцем, но совсем не жарким.

— Сколько я была в лагере?

— Два месяца.

— Уже конец лета?

— На самом деле уже середина сентября.

Холодный ветер забрался под одежду, будто в подтверждение маминых слов. Я вся продрогла.

— Как? Я же помню день рождения, церемонию.

Мама проигнорировала меня, обратив все свое внимание на поиски такси. Пока она нервно разглядывала номера, я без остановки смотрела прямо на солнце и изучала собственные ощущения. Никакого восторга, как у всех светлых, никакого покоя. Обычное солнце. Тем не менее я радовалась, что могла смотреть на него не только из окна комнаты, хотя мандраж так и не проходил.

На пороге квартиры меня встретил Алекс, набросился и едва не сбил с ног. Я смеялась, пока он без остановки тараторил что-то совершенно невнятное.

— Можешь говорить чуточку помедленнее? — Я взлохматила его волосы и потянулась к носу, чтобы ущипнуть, но брат отвернулся и нахмурился.

— Ты уехала, ничего не сказав. Словно пропала! И как это понимать? Тебя не было два месяца! — возмутился он.

— Если честно, я и сама не помню, как так вышло.

— Алекс, тебе же говорили, что Аврора немного приболела и ей пришлось пожить в оздоровительном лагере. — Мама подошла к нему и поправила бардак, который я устроила на его голове.

— Да, но как-то странно, что нам нельзя было ее навещать.

— Авроре нужен отдых, твои допросы сейчас ни к чему.

— Это все из-за той ночи на улице? Ей после нее нездоровилось?

Лицо мамы вмиг побледнело, она обняла Алекса со спины и шикнула на него.

— О какой ночи идет речь?

На самом деле не уверена, что меня это сейчас интересует. Куда больше волновала возникшая тошнота и мигрень. Брат продолжал говорить, несмотря на запреты мамы, но я не слушала его. Все слова звучали как бред. Я не могла понять его.

Но светлые же не врут. Зачем ему это придумывать?

Конечно, светлые идеальные и никогда не врут! Но ночь на улице — невозможное событие.

— Дочка! — Папа влетел в квартиру и крепко меня обнял. — Получилось улизнуть с работы, чтобы хотя бы дома встретить тебя. Мы все по тебе скучали.

— Взаимно.

Похвастаться особой эмоциональностью я не могла, хорошо, что замкнутость и молчаливость семья списала на усталость. Алекса в конце концов утомонили, и до самого вечера он почти не высывался из комнаты, да и я в основном проводила день перед телевизором. К телефону, который лежал выключенным на тумбе в спальне, прикоснуться не хотелось.

Тем не менее друзья нашли способ связаться со мной: они писали и звонили маме, просили поговорить с ними, на что всякий раз получали отказ. Не от меня, конечно, хотя и я была совсем не против побыть в изоляции от общества, чтобы избежать вопросов, на которые у меня не было ответов.

Единственное, что действительно расстроило меня в этот день, так это игнорирование моего возвращения Дэйвом. Он не звонил, не писал, хотя был важнейшим человеком в жизни. Моя судьба, мой партнер и моя любовь. Наверное, он был занят. Я пообещала себе, что позвоню ему завтра, как только вспомню, как чувствовать что-то помимо тревоги и жалости к себе и к близким, когда они смотрели на меня так, будто я недавно побывала на грани жизни и смерти.

К вечеру я решила развеесться и порисовать. Достала пенал с карандашами, нашла любимый блокнот и в предвкушении открыла первую страницу. У меня было правило: пролистывать старые работы, рассматривать их и искать ошибки, чтобы совершенствовать навык и рисовать лучше. Но вместо заветной эйфории я почувствовала колющую боль в груди. Ужас сковал внутренности.

Портреты друзей изуродовали. Белые локоны подруг были грубыми штрихами превращены в чер-